ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Чужая война и своя заправка

Ракетные залпы над Ормузом больно отзываются на ценниках европейского сада

Впервые за долгое время Германия ощутила: глобальные кризисы не остаются за пределами её повседневной жизни. Более того, пришло понимание: громя Тегеран, Америка становится опасной для Берлина тоже.

Сколько и где бы ни воевали Соединённые Штаты после Второй мировой, их войны мало касались Германии. Союзница США по НАТО и место размещения американских военных баз, ФРГ была занята собственным благополучием. До поры.

Перемены начались с наступлением российской специальной военной операции на Украине. При канцлере Шольце поддержка украинских солдат немецкими одеялами и касками мало-помалу перешла в поставки дорогих артиллерийских снарядов, очень дорогих танков Leopard и баснословно дорогих систем Patriot, оплаченных немецкими налогоплательщиками. При Мерце Германия берёт на себя всё большую нагрузку по поддержке и финансированию войны Украины с Россией, изначально оплачиваемой в основном американцами.

Но та война была и остаётся для обычного немца далёкой. Где-то на востоке Европы что-то делят между собой славяне. От этого почему-то дорожает жизнь в Германии. Неприятно, конечно, да перетерпится.

И вот – прилетело

С конца февраля Германия живёт как в ускоренной съёмке. Удары авиации США и Израиля по Ирану через считаные дни отозвались на табло автозаправок ФРГ — едва ли не самом чувствительном индикаторе её повседневной жизни. Весь март цены на бензин и дизель росли такими скачками, к которым привыкший к предсказуемости немецкий потребитель оказался не готов психологически.

Обычно сдержанные разговоры у колонок изменили тон. Люди обсуждают не столько цифры, прыгающие всё выше, сколько само обстоятельство: снова. Снова внешний кризис, снова рост личных расходов, снова частная жизнь входит в зависимость от решений и далёких событий, на которые невозможно влиять.

Послевоенные поколения в ФРГ выросли в убеждении, что большие кризисы случаются где-то вовне, а внутри страны они сглаживаются — институтами, рынком, социальной системой. Стала привычной уверенность: твоя страна надёжно защищает тебя от потрясений.

Эту уверенность расшатали всего шесть недель жестоких бомбардировок других, очень далёких стран. Взрыв цен на горючее воспринимается теперь не временным неудобством, а вестником грядущих, более серьёзных и опасных бедствий.

Немецкое общество по-прежнему дисциплинированно, поэтому реакция на перемены пока негромкая. Массовых протестов нет, однако недовольство накапливается повсюду: от разговоров в очередях до раздражённых колонок в прессе, от сдержанных акций бюргеров возле заправок до резких выступлений депутатов в бундестаге. И всеобщее ощущение — кризис больше не исключение. Кризис становится повседневностью.

При этом большинство — и это важно — пока не готово к открытому протесту: страх перед ещё большей нестабильностью оказывается сильнее желания перемен.

PATRICK PLEUL / ИТАР-ТАСС

Апрель 2026 года. Немцы массово едут к соседям в Польшу за дешёвым бензином. А заправки в Германии пусты

Добро на выезд?

Показательна в этом смысле дискуссия, вспыхнувшая вокруг порядка выезда за границу немецких мужчин призывного возраста.

Собственно, соответствующий закон действует с начала года. Заявленная правительством цель — увеличить численность бундесвера с нынешних 184 тысяч солдат до 255—270 тысяч к 2035 году. Однако лишь в начале апреля газета Frankfurter Rundschau обратила внимание на изменение в законе, которое требует от мужчин моложе 45 лет заранее уведомлять армейские структуры о поездках за границу, превышающих три месяца.

Резонанс оказался взрывным. Вспыхнули споры в медиа и соцсетях. Причина не в самой предлагаемой, довольно мягкой мере, а в символическом её значении. Для послевоенной ФРГ свобода выезда из страны — это не просто право, а часть политической идентичности немца. Любой намёк на ограничения, тем более ввиду военной необходимости, воспринимается как сдвиг границ допустимого.

Реакция общества на возможный запрет передвижения оказалась даже более эмоциональной, чем в случае с ценами на бензин. Генеральный мотив дискуссии: «Такого не может быть!» Даже те общественные круги и партии, которые поддерживают усиление военного потенциала страны, настороженно отнеслись к постановке вопроса о выезде за границу по разрешению ведомства. «Германия — не тюрьма!»

Появилось уклончивое разъяснение Минобороны, что военная служба сейчас — дело добровольное, а разрешение должны получать только те, кто находится на действительной службе. Пока же не введён обязательный призыв, не состоящие в войсках мужчины могут выезжать из страны, когда и куда им вздумается.

Такое разъяснение никого не устроило. Сара Вагенкнехт, лидер собственной и довольно влиятельной партии, например, сделала далеко идущие выводы. Правило показывает ей, «что восстановление воинской повинности давно уже решено внутри правительства». Оно подтверждает её опасения, «что правительство Мерца готовит страну к крупной войне».

> *Большинство — и это важно — пока не готово к открытому протесту: страх перед ещё большей нестабильностью оказывается сильнее желания перемен.*

Но стратегии нет

В последних выступлениях Фридрих Мерц упирает на «энергетическую устойчивость» и вместе с тем на необходимость готовиться «к длительному периоду нестабильности». По сути, канцлер признаёт, что эффективных решений в ближайшее время ждать не стоит. Ведь нужны прежде всего новые соглашения о закупках энергоносителей, но с кем? Ближний Восток подожжён Трампом, Россия отрезана от поставок украинской войной, на нефтегазовой бирже прогоришь...

С каждым днём острее споры в бундестаге. Оппозиция обвиняет правительство в хронически запоздалых реакциях, в отсутствии стратегического подхода к решению проблем. Правящая коалиция постоянно ссылается на давление внешних обстоятельств, беспрецедентное и возрастающее. Всё чаще в выступлениях депутатов слышно слово «долгосрочно», а это само по себе меняет тон политики: речь идёт уже не о преодолении кризиса, а о жизни внутри него.

Окно – куда?

И только военно-промышленный сектор ФРГ чувствует себя бодро. Акции Rheinmetall растут, не обращая внимания на проблемы с энергоснабжением, здравоохранением, образованием и прочими мелочами. Лоббисты оборонки в бундестаге, в соцсетях и прессе давят на необходимость наращивания производства вооружений, чтобы было чем отразить «неизбежное нападение России». В деловой прессе это подаётся как окно возможностей.

Общественность, однако, сознаёт, что у окна две створки. Одна — вероятный экономический рост, другая — неизбежность встать самим под произведённое собственноручно ружьё. Створки эти если и распахнутся, то вместе.

Однако не в кабинетах и не на заводах Германии происходят сейчас наиболее важные изменения, а в общественном настроении. Общая интонация мнений — смесь иронии и усталости. В разных вариациях звучит одна и та же мысль: мы опять не участвуем в войне, но опять её оплачиваем.

Усиливается при этом и мотив настороженного недоверия. Всё чаще немцы сомневаются не столько в правильности конкретных решений властей, сколько в способности государства контролировать ситуацию в целом. Если это ещё не кризис доверия, то определённо его ожидание.

Последняя неделя показала, что далёкий, казалось бы, кризис на Ближнем Востоке, развязанный Америкой, становится фактором и внутренней жизни Германии. И это будет главным вызовом ближайших месяцев для немецкого общества в целом.

Конец эпохи

Германия меняется на глазах — экономически, политически, ментально. Внезапная война в Иране показала каждому немцу, насколько быстро и безжалостно глобальные события превращаются в его частный опыт — в чек на заправке, в спор на работе, в напряжение за семейным столом, в тревожное ощущение, что никакие правила никому больше не указ. За несколько дней всем стало ясно, что прежние гарантии не работают не только на Ближнем Востоке. Эпоха, в которой немец мог жить, не думая о войне в своей стране, заканчивается.

Для внешней политики ФРГ минувшие недели обозначили важную вещь: решения принимаются не только в кабинетах, но и под давлением нового общественного состояния — пока осторожного, всё менее уверенного в завтрашнем дне и предсказуемого в своих реакциях. Показательно, что в последнее время канцлер Мерц выбирает всё более резкие формулировки, чтобы отмежеваться от иранской кампании президента Трампа. Альтернатива этой линии — голосование в бундестаге о доверии самому Мерцу.

И да, Германия пока остаётся стабильной. Но сама стабильность перестала восприниматься как некая данность от Бога. Новая норма — нестабильность. С ней придётся жить, к ней придётся приспосабливаться, она неизбежно будет менять привычную всем Федеративную Республику немцев и её место в мире.

Владимир Соколов,
собкор «ЛГ» в ФРГ